

Валерий Герланец

Валерий Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений Валерия Ильича давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

В октябре 2023 года публикуемая историческая повесть «Благословенный» была отмечена Почётным дипломом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за реалистическое отражение эпохи Александра Первого и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Историческая повесть

Продолжение. Начало в № 5(57)-2023

ГЛАВА 7

БЕЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ БОРОДИНА

Через два дня после прибытия и обустройства в таганрогском гостевом доме немного отдохнувшая после длительного вояжа Елизавета Алексеевна отправилась вместе с супругом на прогулку по городу. Нездоровье оставило на её красивом, некогда ангельском лице свои печальные следы: тёмные круги под глазами, отчётливая сеть морщинок и коричневое пятно на левой щеке, которое она, ежедневно сидя перед зеркалом, тщательно забеливала и запудривала. Кроме того, в её всегда аккуратно уложенных локонах появились проблески седины, которая всем и каждому напоминала о её отнюдь не юном возрасте. А вот фигура императрицы по-прежнему оставалась тонкой и грациозной, как у примы балета. Мужчины из высшего света по-прежнему бросали на неё вожделенные взгляды и многозначительно вздыхали.

Александр строго-настрого приказал своей свите и городской власти не афишировать пребывание императорской четы в Таганроге, но новость эта всё равно стремительно распространилась и даже вызвала появление группы местных зевак неподалёку от гостевого дома. Они толпились на противоположной стороне улицы в надежде собственными глазами увидеть Александра Благословенного и его жену, чтобы при случае удостоиться от них если не высшего царского благословения, то хотя бы случайно брошенного взгляда.

Сразу после завтрака Александр и Елизавета отправились на прогулку по городу. Они неторопливо шли по залитым солнцем улицам портового городка, поражаясь его патриархальному виду и неспешному ритму жизни, столь не похожему на столичный. Одни прохожие совсем не обращали внимания на степенно шествующую импозантную пару, другие, напротив, останавливались и, смиренно склонив головы, ждали, пока атлетического вида мужчина, которого под руку держала хрупкая очаровательная женщина, проходили мимо.

Царская чета с интересом рассматривала фасады старинных многоэтажных зданий и домов, украшенных балясинами, балюстрадами, колоннами, розетками и прочей лепниной и создающих некую атмосферу уюта и благополучия. И эта особая атмосфера совершенно никуда не исчезла, даже если бы вдруг набежали тучи и хлынул проливной дождь.

– Ты знаешь, Алекс, мне здесь определённо нравится, – призналась Елизавета. – В отличие от Петербурга или Москвы мы в этом городке абсолютно настоящие, нам совершенно не нужно играть свои роли.

– Да, ты права, весьма милый, безмятежный уголок. Впрочем, Крым тоже лёг бы тебе на душу...

– Я читала, что более половины местных жителей – греки.

– Сей народ проживал на данных землях с Античных времён. Греки занимались сельским хозяйством, торговлей, искусством, страдая от пиратов на море и набегов кочевников на суше... А в конце XVII века здесь оказался Пётр Великий. По его замыслу сие место должно было стать надёжной гаванью для военных кораблей и одновременно крепостью, защищающей наши южные рубежи. Так и возник на берегу залива город... Хотя к концу правления бабушки Таганрог потерял своё военно-политическое значение...

Двух- и трёхэтажные дома с архитектурными излишествами остались позади, уступив место жилищам поскромнее, построенным из дикого камня, брёвен или земляного кирпича, называемого в простонародье саманом. Неожиданно к Александру и Елизавете подбежал мальчишка лет восьми – чумазый, с нечёсаной копной рыжих волос, в златанной рубахе явно с чужого плеча:

– А правда, что ты – царь-батюшка, а ты – царица-матушка? – бесцеремонно обратился он к царской чете.

– Кто тебе сказал? – излучая добродушие, полюбопытствовал император.

– Дык люди говорят...

– Врут они. Настоящие царь и царица сейчас в Петербурге во дворце сидят, яства всякие едят...

– Вот и я об том же: не будут настоящие царь и царица у нас тута по улицам разгуливать.

– Ты чей такой смышлёный будешь? – улыбнулся государь.

– Сапожника Петра Ерохина сынок.

– А звать-то тебя как? – спросила Елизавета.

– Сашка.

– Получается, тёзка ты мой, – проговорил Александр, протягивая мальчишке серебряную десятикопеечную монету.

– Благодарствую... Ты, дяденька, хоть и строг на вид, а всё одно добрый...

– А подскажи-ка нам, Сашка, если мы по этой улице вниз спустимся, попадём на ярмарку?

Мальчишка утвердительно кивнул рыжей шевелюрой:

– Токо возле во-о-он того домишки боковее берите...

– То есть левее?

Лицо Сашки приобрело откровенно глуповатый вид. Он часто-часто заморгал глазами и пролепетал, что разбирать, где лево, а где право, не обучен, зато точно знает, что базар находится именно там, куда он добрым дяденьке и тётеньке давеча указал. Добавив, что ярмарки бывают только два раза в году: по весне, в день Великомученика Георгия, и по осени, на Покрова.

Таганрогский базар напоминал разбуженный пчелиный улей – настолько здесь было пёстро, забубённо и шумно. Многие прилавки и стоящие повозки манили натюрмортами из ароматных южных фруктов, пузатых арбузов, дынь и тыкв, а также висящими на металлических крюках жирными свиными и бараньими тушами, но особенно – засоленной и свежей рыбой. Купеческие лавки предлагали разноцветные заморские и отечественные ткани, нужные в хозяйстве изделия гончаров, шорников и кузнецов. Продавался скот, домашняя птица, зерно, сосновые и дубовые доски, шерсть...

Всюду сновали крикливые продавцы, предлагавшие румяные расстегаи и пирожки с ливером, рыбой, творогом или яблоками. Александр купил у пробегавшей мимо торговки пару пирожков с начинкой из рубленых яиц и лука и, спрятавшись вместе с женой под ближайший выгоревший на солнце тент, с таким звериным аппетитом проглотил румяную покупку, словно после приезда в Таганрог его здесь ни разу не кормили. Понравился базарный пирожок и Елизавете, которая тоже с огромным удовольствием, но неторопливо его съела, утерев губы ажурным надушенным платочком.

Ближе к центральной части торжища выступали бродячие кукольники. Под громкие звуки шарманки из-за маленькой ширмы они показывали, как русские солдаты гнали со своей родной земли

длинноносых французских захватчиков. Наполеоновские войки пытались отнять у крестьянина лошадь и заготовленное им сено, но под одобрительные выкрики толпы получали достойный отпор в виде зуботычин, пинков и ударов метлой по спине... Царская чета тоже минут пять наблюдала за ходом весёлого кукольного представления и, получив заряд позитивных эмоций, продолжила своё знакомство с жизнью провинциального уездного городка.

Александр и Елизавета живо интересовались ценами и при случае истово торговались с владельцами товаров. Очень много весьма нелестных слов услышали они от базарных торговцев и покупателей о местных градоначальнике, полицмейстере и купцах, которые «за полушку своих отца и мать продадут любому басурманину».

Возле хибары с покосившейся, щедро загаженной голубьями вывеской «Кабак» толпились мужики. Одни спешили просочиться через дощатую дверь внутрь, чтобы опрокинуть чарку-другую, погорланить любимые песни, а, если повезёт, то и подраться, другие, с затуманенным взором, нетвёрдой походкой покидали популярное питейное заведение, чтобы потолкаться среди такого же осовелого люда или, завалившись под чью-нибудь телегу, покемарить час-другой, позабыв обо всех тяготах жизни и Божьей немилости.

Справа от входа на низкой четырёхколёсной деревянной тележке сидел диковатого вида мужик без обеих ног. На нём был потёртый, с многочисленными прорехами и пятнами тёмно-зелёный мундир с несколькими чудом сохранившимися латунными пуговками. Стоячий ворот, обшлагаи и фалды мундира были оторочены тонкой красной кромкой. Перед калекой на пожухлой траве лежал картуз с несколькими медяками внутри. То и дело мужик хриплым голосом выкрикивал: «Люди добрые! Подайте Христа ради участнику Бородинской битвы!»

Царская чета подошла к убогому поближе.

– Как тебя зовут, служивый? – поинтересовался император.

– Старовойтов я, Иван.

– Кем довелось служить, Иван?

– Фейерверкером 1-го класса 1-й артиллерийской бригады батарейной роты № 3.

– Где ранение получил?

– При Бородино. Наша батарея аккуратно за Семёновским ручьём стояла. Ротный убит был. А тут кавалерия французов попёрла – токо держись!.. Я на место ротного заступил и командовал двумя орудиями, покуда ядро вражеское мне обе ноги не разворотило... Ну а что опосля – не помню, в отключку ушёл...

– Как же ты, Иван, жив остался?

– Чудом, ваше благородие. Не иначе Господь меня, непутёвого, к себе брать не захотел... Мне рассказали, что я в мертвецы записан был, но кады на телегу грузить стали, застонал... Вот меня к лекарям и снарядили... Сами видите, что энти живодёры со мною сотворили...

– Семья, крыша над головой у тебя хоть есть?

– Семьи нет... Кому я такой убогий нужон. А крыша имеется: одно время при местной церквушке обитал, а года два тому сторож базарный Фёдор меня приютил. Я ему, как могу, помогаю. Службу за него несус, коли заболит он али в запой уйдёт.

– Подтвердить можешь свои геройства, служивый?

– Нет, не могу. Бумаг никаких у меня не имеется, а сослуживцы почитай все в боях полегли...

А вот ноги, что я в бою потерял, те подтвердить могут.

Елизавета с укоризной взглянула на мужа и тихо по-французски сказала:

– Человек говорит правду, неужели не видишь, Алекс!

– Я вижу другое: он совершил подвиг, он – герой, а вынужден жить в забвении и нищете. Так не должно быть! Это несправедливо, не по-христиански! – на отличном французском ответил император.

– Иван, а ходатайство для получения подтверждения о твоём участии в Бородинском сражении ты подавал? – поинтересовалась императрица, переходя на понятный Ивану русский язык.

– Дык я, барыня, грамоте не обучен. А писарчук здешний за сочинение такой бумаги стоко запрошил... Отродясь у меня таких деньжищ не водилось!

Александр достал из кармана и протянул безвестному герою Бородино две золотые пятирублевые монеты, которые в купеческой среде очень ценились и именовались не иначе как «орёл с опущенными крыльями».

– Держи, Иван Старовойтов.

– Ваше благородие, – калека даже предположить не мог, что перед ним стоит сам всероссийский император, поэтому обращался к нему как к высокопоставленному чиновнику или барину, – уж больно велика награда. Мысли нехорошие в голове роиться начинают.

– Значит, заслужил! Ведь в том последнем бою ты не только товарищей своих защитил, ты Отечество, а вместе с ним и всю Европу от бонапартовских орд спас!.. За что низкий тебе поклон и благодарность...

Купив плетёную корзину местных фруктов, царская чета отправилась домой, обсуждая по пути радующее глаз разнообразие и удивительную дешевизну таганрогского базара.

– Вот они, скрытые от наших глаз преимущества жизни простых смертных, – шутил по дороге Александр. – Идём – куда хотим, едим – когда хотим, покупаем, причём с большой экономией, – что хотим. Представляешь, в какую круглую сумму нам обошлась бы такая корзинка в Санкт-Петербурге?

– Прибавь к её небольшой цене ещё двух «орлов со спущенными крыльями» и получится, что наша покупка не так уж и дешёва.

– Неужели ты не понимаешь или не хочешь меня понять? Эта встреча с калекой во мне что-то надломил... Мне, правителю самой большой в мире империи, вдруг стало стыдно... Стыдно и совестно за то, что мы для таких, как Иван, людей сделали до обидного мало. После Бородина солдаты получили по 5 рублей, прапорщики – по 90, полковники – по 510. Зато всегда полусонный дедушка Голенищев-Кутузов – 100 тысяч! И указ об этих денежных выплатах подписан мною... лично... Несмотря на это, Иван Старовойтов, десятки и сотни тысяч таких Иванов, приди к нам завтра враг, без понуканий встанут на защиту родной земли. Будут осознанно кровь проливать, руки-ноги терять, жизни свои отдавать... Потому как нет для них ничего дороже, чем русская земля, стоящая на ней хата, мать с отцом да жёнка с дитём малым на руках. Вот главное богатство – и они, не умеющие читать и писать Иваны, понимают это – сердцем ли, душою ли, не ведаю... А потому с народом таким державу нашу ни одному врагу никогда не одолеть!

– Ты лучше меня знаешь, что за всю историю человечества никто и никогда не смог создать справедливое общественное устройство, все граждане которого оставались бы довольны. Создать его невозможно, это утопия! – предприняла очередную попытку отстоять свою позицию Елизавета.

– Но и то, что мы имеем в России, неприемлемо. Крепостной мужик из глухой провинции стоит не более 30–40 рублей, баба – в два, а то и в три раза меньше, годовалый младенец – 50 копеек, а пятилетний мерин оценивается в три с полтиной. Получается, бессмертная человеческая душа стоит дешевле лошадиной?... Здесь, наверное, и кроется наше извечное неуважение к простому люду, превращённому нами же в своих холопов... Иногда подумаю, как мало ещё сделано внутри державы, то эта мысль ложится мне на сердце как десятипудовая гиря...

– Я рада, что ты, Алекс, решился на такой момент истины. Сие равносильно исповеди, когда ты наедине с духовником обнажаешь свою грешную душу. Лично я ни в чём тебя не осуждаю, а потому поддерживаю и буду поддерживать всегда. Наша империя была построена задолго до того, как ты занял престол, и любые изменения в её устоях сразу же вызовут непонимание и возмущение. Как император, ты вправе решать насущные проблемы, проводить реформы, демократизировать общество... Твоё доброе сердце пронзила печальная судьба простого русского солдата Ивана Старовойтова... Но ты лучше меня знаешь, что таких искалеченных войной на Руси много, и всем им ты лично не можешь. Люди нуждаются в поддержке и помощи от государства, от наиболее богатых сословий, от благотворителей... Все вместе мы сможем сделать для них значительно больше, чем ты один.

– Этот солдат-герой – ярчайший пример того, как в нашей державе игнорируются законы. Законы, подписанные моей рукой. Они есть, но не работают в полную силу из-за бездушных людей, из-за сонма чиновников, разворовывающих страну как в самом центре, так и на местах. Они не думают о нуждах народа или отдельного человека...

– Согласна: закон должен работать точно, как часовой механизм. Думаю, в твоих силах подобного добиться.

– Ты хочешь, чтобы я превратился в деспота?

– Просто оставайся честным, справедливым и благословенным перед самим собой и людьми. Народ должен чувствовать, что правитель по-настоящему его любит и защищает от произвола.

– Ни министры, ни губернаторы, ни высокие сановники по-хорошему не понимают, считая либеральное поведение с моей стороны проявлением слабости. Они постоянно подталкивают меня вешать,

рубить головы, отправлять в Сибирь на вечное поселение... Они хотят войти в историю мучениками, а меня выставить царём Иродом!..

ГЛАВА 8

БОМБАРДИРОВЩИКИ ДЛЯ КУТУЗОВА

Александр и Елизавета возвратились в гостевой дом, стоявший на самой макушке прибрежной кручи и обращённый всеми окнами южного фасада в морскую даль, где в дымке проплывали торговые корабли или мелькали утлые рыбацкие лодки. В ночную пору отчётливо виднелись огни порта и небольшой маяк, посылавший световые сигналы всем судам, державшим курс в Таганрог, который, потеряв статус города-крепости, продолжал оставаться самым крупным южным торговым портом Российской империи.

Перед обедом Александр и Елизавета помолились в домашней церкви, оборудованной в одной из комнат, отведённых императрице. Затем супруги проследовали в большую залу, где прислугой был накрыт стол, уставленный закусками исключительно из изысканных морепродуктов: тонко нарезанной сёмги и канапе с чёрной и красной икрой. На первое была подана наваристая уха, на второе – запечённый с креветками и овощами азовский судак, а на десерт – местные фрукты, самолично купленные и принесённые царской четой с базара.

Во время обеда император и императрица оживлённо беседовали, выплёскивая впечатления от своего первого совместного похода по приморскому городу. И Александр, и Елизавета признались, что получили неописуемое удовольствие от того, что прогуливались не как монархические особы, а как простые обыватели, которые делают то, что считают нужным, а не то, что им предписывает накануне составленный строгий протокол с церемониалом, этикетом и заранее заготовленными речами и тостами. Изюм в день играть одну и ту же роль, пусть даже самую главную, что может быть печальнее... И вот эта свобода действий, мыслей, чувств создавала совершенно иной эмоциональный фон, во многом отличный от столичного, – более простой, человечный и понятный.

– Завтра я дам поручение градоначальнику... Петру Афанасьевичу... лично разобраться с этим героем Бородинского сражения, – объявил жене Александр, вставая из-за стола. Судя по уверенному тону и решимости, император верил в то, что справедливость, много лет кряду обходившая базарного калеку стороной, должна наконец восторжествовать. После прогулки с супругой, вкусного обеда и двух бокалов шардоне Александр пребывал в приподнятом расположении духа.

– Правильное решение, – поддержала мужа Елизавета, – герой Отечественной войны не должен страдать...

– Мы просто обязаны превратить его из страдальца в счастливого человека... Если всё, что он нам поведал, правда, то она требует документального подтверждения. Бумаги крайне необходимы, чтобы он мог оформить положенное ему законом денежное пособие или получить приют в одной из ближайших воинских частей с постановкой на полное довольствие... Так, как он жил и живёт, – это позор власти, а значит, и мой личный позор. Те, кто сумел остановить и обратить в бегство полчища врага, до конца своих дней должны чувствовать уважение и заботу! А отдавшим жизнь – вечная память! Все они – наши герои, и их имена золотыми буквами должны быть начертаны на скрижалях истории...

Александр вплотную подошёл к Елизавете, лицо которой даже за столь краткий срок пребывания у моря как-то сразу обрело более здоровый и свежий вид: морщинки чуть разгладились, щёки порозовели, а в глазах, как в былые времена, появились живые искорки. Он нежно поцеловал её в щёку и, взяв под руку, вывел в небольшой дворик, обсаженный густым кустарником вперемежку с бархатистыми на ощупь пёстрыми цветами. Здесь же находилась ажурная, увитая чёрным виноградом беседка, из которой открывался замечательный вид на морские просторы, где-то далеко-далеко смыкавшиеся с небесной синевой, на которой словно застыли несколько пушистых белоснежных облачков.

– Прошло уже столько лет, а я... я до сих пор осмысливаю Бородино, пожар Москвы... – продолжил разговор Александр. – Одни считают, что наши войска в ходе этого сражения нанесли врагу непоправимый урон, другие утверждают, что победу над российской армией тогда одержали французы. В отдельных случаях эти споры доводили даже до дуэлей... Да, нашей явной победы над французом тогда не случилось, но она вполне могла быть! Я уверен! И опять же, большая часть вины лежит на мне и только на мне...

– Только не занимайся самобичеванием. Даже Господь Бог, создавая землю и человека, не смог всё предусмотреть и наделал массу ошибок... К тому же войсками командовал не ты, а Кутузов...

– И слава Всевышнему, что не я... Я – монарх, политик, дипломат, а не полководец... Но я, более чем кто-либо, был посвящён во все стратегические планы... А ещё мне была известна военная тайна, о которой не ведал даже мой военный министр Барклай-де-Толли... Ах, если бы нам удалось тогда воплотить задуманное, никто бы сейчас даже на йоту не сомневался в победе русского оружия!

– А почему ты ни словом, ни полусловом мне о сём не обмолвился? – с ноткой обиды произнесла императрица.

– Тогда, накануне войны с узурпатором, я не имел права говорить на сию деликатную тему практически ни с кем, даже с тобой. Зато сейчас, по прошествии времени, если ты, Елизавета Алексеевна, изъявишь высочайшее желание услышать...

– Изъявляю! – выкрикнула императрица, сгорая от нетерпения.

– Тайна сия была связана со сверхсекретным проектом аэростата, который мог наносить по противнику удары с воздуха – эдакая кара небесная, Содом и Гоморра... Столь необычное оружие мы впервые хотели применить в первый же день генерального сражения... Тебе понятно, милая, о чём я веду речь?

– Конечно. О воздушном шаре. Его заполняли нагретым воздухом, и он взмывал вверх, увлекая за собой корзину с отважными воздухоплавателями. Это изобретение сразу же получило широкое распространение...

– В общем, где-то за год до войны с Наполеоном я получил секретное донесение от нашего посла в... Впрочем, не буду называть его имя... Он сообщал, что к нему обратился некий немецкий изобретатель и музыкант Франц Леппих с авантюрным предложением о том, что он может спроектировать и построить управляемый аэростат собственной конструкции для неотвратимого уничтожения живой силы противника. Поначалу эта идея показалась абсурдной... Однако позорная череда наших предыдущих поражений от наполеоновских войск не давала покоя, заливая моё лицо краской стыда. Появилась надежда, что с помощью созданного немцем аэростата мы сможем продемонстрировать врагу наше военное превосходство... Почему-то сразу вспомнилась сказка о летучем корабле, которую мне с братом часто читала бабушка-императрица, выдавая за собственное сочинение.

– А мне в детстве читали восточные сказки о ковре-самолёте, – вспомнила Елизавета Алексеевна. – Когда я представляла себя на волшебном ковре – дух захватывало! Представляешь, лететь рядом с птицами или облаками!

– Вот и у меня дух перехватило. Несколько таких «птичек» с разрывными снарядами смогли бы с воздуха легко одолеть даже превосходящую по численности армию врага. Такое преимущество сразу сделало бы нашу армию грозной и непобедимой не только в Европе, но и во всём мире...

Александр на какое-то мгновение задумался, а затем чуть ли не бегом направился к дому, прокричав жене, что для продолжения разговора о чудо-оружии должен у себя найти некую папку с документами. И действительно, через несколько минут он вернулся с тёмно-синей коленкоровой папкой, из которой стал доставать и просматривать различные документы: секретные донесения, письма, разъяснения и расчёты, чертежи, таблицы с результатами испытаний... Все они ложились на накрахмаленную скатерть стоящего посреди беседки стола и, как догадалась Елизавета, должны были наглядно иллюстрировать дальнейший рассказ императора.

Александр был явно взволнован и нервно подёргивал правой щекой и бровью. Он по несколько раз пересматривал принесённые бумаги, то начиная что-то бормотать себе под нос, то вскакивая и мечась, как маятник, возле входа в беседку. Видимо, тема об аэростате-бомбардировщике была давно законсервирована в его памяти и теперь вдруг страстно рвалась наружу, чтобы показать, насколько он, Александр, уже тогда был как политик дальновидным и прогрессивным, заботясь о защите своей державы и народа. Елизавета молча наблюдала за всеми его эмоциями и телодвижениями, ожидая завершения начатого им рассказа о таинственном летучем корабле.

Наконец, император уgomонился и, удобно устроившись в кресле напротив жены, продолжил своё повествование о таинственном аппарате, который, по его мнению и мнению его изобретателя, должен был на долгие годы обеспечить национальную безопасность Российской империи, а следовательно, и всех дружественных ей на тот момент стран.

Александр поведал, что отнюдь не был первым, к кому Франц Леппих обратился со своей идеей построить управляемый аэростат, который бы нёс такое количество разрывных снарядов, что по-

средством их можно было истребить любую неприятельскую армию. Первым оказался Наполеон, великий военный стратег, которого предложение немецкого инженера почему-то совершенно не заинтересовало. Он запретил Леппиху проводить какие-либо воздухоплавательные эксперименты и даже распорядился выслать его за пределы Франции. Может быть, на решение Наполеона повлияли неудачи с использованием аэростатов его армией во время Египетского похода, а может быть, неожиданный прилёт воздушного шара на его свадьбу с Марией-Луизой Австрийской...

Новое пристанище Леппих обрёл в старинном немецком городе Тюбингене, где на средства одного из местных издателей основал мастерскую, в которой с помощью четырёх нанятых подмастерьев начал строить свой управляемый аэростат. Но средств явно не хватало, и тогда он обратился к королю Фридриху I, но тот проигнорировал поступившее предложение использовать данное изобретение в военных целях. Видимо, из небезосновательных опасений испортить отношения с Наполеоном, который благодаря разветвлённой шпионской сети знал о своих соседях абсолютно всё. Тогда предпринимчивый изобретатель побывал у российского посланника, сумев настолько его воодушевить, что тот тут же известил об этом своего императора.

– Вот это секретное донесение, – Александр взял в руки одну из лежащих на столе бумаг и, чуть сощурился, стал читать: «Леппих обещал мне построить пятьдесят таких воздушных кораблей в течение трёх месяцев. По сделанным доселе расчислениям, наиудобнейшие воздушные корабли могут вмещать в себя 40 человек и поднимать 12 000 фунтов. В числе артиллерийских предметов, коими он хочет снабдить себя, ожидает особенно большого действия от ящиков, наполненных порохом, которые, брошены будучи сверху, могут разрывом своим опрокинуть целые эскадры...» Наш посланник предлагал также как можно скорее вывезти изобретателя по подставному паспорту из Германии в Россию, что, собственно, и было без промедления сделано.

Елизавета с огромным интересом слушала рассказ мужа, удивляясь его чудом сохранившейся мальчишеской запальчивости и врождённому артистизму, то есть умению речью, мимикой и жестами приковывать к себе внимание. На одних словах Александр делал явный акцент, на других, напротив, вдруг переходил на шёпот или многозначительно выдерживал паузу, тем самым интригуя своего единственного слушателя таинственностью сюжета. В такие редкие минуты непритворного общения с мужем Елизавета была бесконечно счастлива и мысленно просила Господа, чтобы это общение продолжалось как можно дольше.

Император рассказал, что в мае 1812-го Леппих и его подмастерья были доставлены в Москву. По новому паспорту изобретатель значился как некий господин Шмидт. Сначала группа была размещена под Москвой близ Тюфелевой рощи, а затем перевезена в Воронцово, в усадьбу князя Николая Григорьевича Репнина. Именно там в спешном порядке и началось строительство первой летающей лодки. Павильон, где работали немцы, был обнесён высоким забором, вдоль которого выставлен вооружённый караул. Из соображений секретности мастерскую Леппиха объявили мастерской по производству сельскохозяйственных машин, а затем, в связи с закупками большого количества тафты для пошива оболочки шара, – предприятием по торговле пластырями. Из Германии вызвали ещё несколько специалистов, и вообще средств на создание грозного воздушного шара не жалели. Вопросы, связанные с финансированием, были поручены генерал-губернатору Ростопчину.

Несмотря на то что сам Леппих и его команда трудились по 17 часов в сутки, работа продвигалась очень медленно, так как постоянно приходилось сталкиваться с новыми инженерно-техническими проблемами и находить их решение. К примеру, в ходе проводимых работ был открыт новый, более ускоренный способ добычи водорода, который обеспечивал шар необходимой подъёмной силой, усовершенствованы механизмы управления всей этой летающей машиной.

Елизавета взяла со стола детальный рисунок внешнего вида аэростата, видимо, сделанный самим изобретателем, и стала внимательно его изучать. Конструктивно управляемый аэростат представлял собой шар с гондолой, оборудованной машущими крыльями. Оболочка шара имела рыбообразную форму длиной не менее 27 и диаметром 8 сажений. «Рыба» из плотной шёлковой ткани удерживалась сеткой с обручем, к которому подвешивалась гондола.

Экипаж воздушного судна должен был состоять из 40–50 человек, часть из которых были гребцами, а часть – солдатами, сбрасывающими на головы противника пороховые фугасы. Предполагалось также использовать ракеты образца 1807 года с радиусом действия до 1,2 версты.

– И ты был уверен, что вся эта неуклюжая, громоздкая конструкция поднимется в воздух?

– А разве не мы с тобой летом 1803-го бегали смотреть на летающего француза? – парировал Александр.

– Если я не ошибаюсь, его звали Жак... Жак Гарнерен, – вспомнила Елизавета один из ярких моментов их счастливого совместного прошлого, омрачённого разве что смертью первой дочери и слухами об изменах мужа.

– В Петербург он прибыл, чтобы совершить два полёта на своём воздушном шаре. В первый полёт он отправился со своей бесстрашной супругой, а во второй – с русским генералом Сергеем Львовым, который, как мне было доложено, заплатил французу за это воздушное путешествие весьма приличную сумму.

– Ах, как нам, Алекс, хотелось очутиться на их месте!

– Мне и сейчас хочется... Оттолкнуться от земли, взмыть ввысь и парить, как во-о-он та одинокая чайка... Уже тогда воздушные средства передвижения стали входить в нашу скучную повседневность. Поэтому я с таким энтузиазмом и воспринял изобретение Леппиха. Конечно, некие сомнения у меня возникали, но в целом его идея заслуживала уважения... По сути, это был прорыв в военном искусстве, смелая и оригинальная идея.

– Но чем всё закончилось?

– Не торопи события, Элиз! Сейчас обо всём узнаешь... Как мы ни секретничали, французская агентура многое разнюхала и донесла Наполеону о зажигательном воздушном шаре, который русские предполагают использовать для разгрома французской армии. Знал о строительстве управляемого аэростата и Кутузов... В середине июля 1812-го я посетил Воронцово и присутствовал на испытаниях аэростата. Однако идея Леппиха потерпела фиаско: аэростат даже без людей и бомб в воздух не поднялся... Изобретатель убеждал меня, что в течение нескольких дней устранит все недостатки, но подобного не случилось. Необходимой подъёмной силы для взлёта явно не доставало. Не оправдала себя и предложенная вёсельная система управления воздушным шаром. Возникли трудности и с наполнением его водородом... Перед генеральным сражением с неприятелем Кутузов прислал графу Ростопчину письмо, в котором спрашивал, будет ли применён в ходе сражения секретный «еростат» и коим образом следует с ним управляться?.. А потом Ростопчин прислал мне вот это письмецо.

Среди беспорядочно разложенных на столе бумаг Александр нашёл нужную и протянул её жене.

«С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, который должен был поднять 50 человек, и назначил час, когда должен был подняться... Прошло 5 дней, и ничего не готово. Вместо 6 часов он употребил целых 3 дня, чтобы наполнить газом шар, который не поднимал и двух человек... Большая машина не готова, и, кажется, надо отказаться от возможности извлечь из неё ту пользу, которую ожидали. Я принял свои меры, и, если князь Кутузов потерпит неудачу и двинется то ли в Москву, то ли в сторону, я отправлю Леппиха в Нижний Новгород без эскорта вместе с шёлковой оболочкой шара. Менее всего можно пожалеть об 148 тысячах рублей, потраченных на изготовление шара. Леппих – сумасшедший шарлатан...» – прочла вслух Елизавета.

Какое-то время императрица пребывала в глубокой задумчивости, а затем поинтересовалась:

– И куда делся изобретатель «летучего корабля»?

– До конца 1812-го и весь следующий год Леппих продолжал упорно устранять недостатки, однако испытания новых воздушных шаров терпели неудачу за неудачей. К тому времени, как тебе хорошо известно, наполеоновская армия была нами практически разгромлена и потребность в управляемых аэростатах, сбрасывающих на головы неприятеля бомбы, сама собой исчезла...

– Но согласишься, Алекс, сама идея обрушить огонь возмездия из небесной обители Господа на врага заслуживает уважения. Поэтому я понимаю, почему ты ею вдохновился, потратив столько сил и средств. Думаю, наш нынешний уровень развития не позволяет пока воплотить сия идею. Просто она опередила время...

– Возможно... возможно... Но мы хотя бы предприняли попытку воплотить её в жизнь...

ГЛАВА 9

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ ТЁМНЫХ СИЛ

Александр проснулся посреди ночи ни с того ни с сего. По дому могучей рекой разливалась тишина, лишь периодически её нарушали скребущие звуки, доносящиеся из-под крашеного дощатого

пола – не иначе мыши вышли на ночной промысел. В окно бесцеремонно заглядывала висящая в ночном небе луна, похожая на кем-то беспечно утерянный золотой. Государь ощущал рукой своё узкое жёсткое ложе, на котором привык спать ещё со времён позорной для него битвы при Аустерлице: замшевый тюфяк, плотно набитый сеном, верблюжье одеяло, небольшая сафьяновая подушка и валик под голову. Не российский император, а инок в аскезе, но, как говорится, привычка – вторая натура.

Александр встал с кровати и прошёлся по небольшой спальне туда-сюда, разминая замлевшую во время сна ногу. Затем он спиной почувствовал чей-то взгляд и обернулся. Со стены, наполовину освещённой мерцающим лунным светом, на него взирал... он сам, причём пристально, с саркастической улыбкой, словно спрашивая: «Что, болезный, не спится? Вот и у меня тоже сна нет. Сутками не сплю. Как повесили меня на эту стену, так бессменно и несус службу, аки караульщик».

Император подошёл ближе к написанному маслом полотну кисти Джорджа Доу. Художник изобразил его, Александра Первого, в полный рост в парадном генеральском мундире с жёстким стоячим воротником, белых в обтяжку лосинах и плотно облегающих ноги, начищенных до блеска сапогах. В левой руке он держал треуголку с плюмажем. Из всех своих портретов, написанных в разное время разными художниками, этот ему нравился больше всего, и он, словно талисман, всюду возил его с собой. Английскому портретисту не только мастерски удалось передать внешние черты российского монарха, но достаточно точно отобразить и его внутренний мир: интеллект, ироничность, некоторую манерность и даже склонность к вольнодумству.

«Впервые с Доу я встретился, если не изменяет память, во время Ахенского конгресса. Его туда привёз герцог Кентский, чтобы тот написал портреты наиболее важных особ, участвующих в утверждении новых границ в Европе. Познакомившись, я сделал ему весьма заманчивое предложение: создать для Зимнего дворца портретную галерею полководцев, сражавшихся с Наполеоном. Мы оговорили условия, и Доу без колебаний согласился. Спустя полгода он прибыл в Петербург и приступил к этому титаническому проекту. Его работоспособность поражала: более трёх сотен портретов для галереи героев! Художник был широко известен у себя на родине, но в России имел просто ошеломляющий успех...»

Александр подмигнул своему живописному изображению, и ему показалось, что и оно с не меньшим озорством тоже подмигнуло в ответ. Его мысли и тревоги вновь вернулись к одолевающим ночным бдениям. А ведь раньше такого не случалось, но после лихорадки, которой он переболел в начале прошлого года, вызвавшей высокую температуру и крайне болезненное рожистое воспаление на левой ноге, некогда пострадавшей от падения с лошади, сон периодически стал пропадать неизвестно куда. По совету лейб-медика Якова Виллие, он перед сном пил отвар каких-то трав, но и сие зелье не всегда помогало. Раз действительно спишь ровно, спокойно, а в другой, напротив, просыпаешься в три или четыре ночи и лежишь, уставившись пустыми глазами в потолок.

«Что же меня нынче-то подняло? Кошмары не снились, болей или постороннего шума не было, – стоя перед своим портретом, размышлял Александр. – И главное, засыпаю, как и прежде, всегда быстро: перекрещусь, положу левую руку под щёку, глаза прикрою – и всё. Хотя из пушки пали!.. Видно, старость. Она приходит неожиданной гостьей и с порога начинает диктовать свои условия... А может, это не старость, а совесть?.. Скоро четверть века, как я на троне, а меня до сих пор обвиняют во всех смертных грехах. Мол, попустительствовал отцеубийству... Что как самодержец малодушен, недостаточно решителен и мало занимаюсь внутренними делами империи. Что ни делаю, за что ни возьмусь – всё не так! Стоит ослабить государственные вожжи, меня тут же записывают в завзятые либералы, требуешь самоотдачи и дисциплины – называют сатрапом...»

Александр никогда не страдал от отсутствия самокритичности, прекрасно понимая, что для проведения каких-либо серьёзных реформ общество должно созреть, причём созреть от верха до самого низа. Навязывать народу свою волю можно, конечно, и силой, как это делали Пётр Великий, Екатерина Вторая или Павел Первый, но он, Александр Благословенный, поступать так не станет – это не его принципы. Он не хочет быть чьим-то продолжателем или подражателем, а хочет оставаться самим собой, управляя державой исключительно по законам и по сердцу. И выполнять чью-то волю, кроме Божьей, он не будет... Не случайно хитроумный царедворец Сперанский, оказавшийся впоследствии в опале, сказал очень точно: «Александр слишком слаб, чтобы править, и слишком силен, чтобы быть управляемым».

Император, как никто другой, понимал, что красивые рассуждения о всеобщем благе, естественном равенстве людей и свободе, которыми он так увлекался в юные годы, в реальности оказались не

более чем хитрой приманкой, которая на многие годы ввергала целые страны и народы в кровавые распри и политический сумбур... Государство рождается, развивается и матерееет, по сути, подчиняясь тем же законам эволюции, что и всё живое. Это гигантский организм – замысловатый и невероятно каверзный. Как только правитель державы начинает ломать устои, искусственно подгонять её развитие – жди беды в виде крамолы, переворотов, бунтов и мятежей... Все сие знают, но всё равно продолжают наступать на одни и те же грабли...

– И я тоже на них наступил, – послышался голос, и в то же мгновение живописный Александр Первый ловко соскочил с холста на пол и как ни в чём не бывало устоялся на своего живого визави в белом исподнем и войлочных тапках.

– Ты... что, читаешь... мои мысли? – чуть запинаясь, проговорил император, инстинктивно отступив на пару шагов назад.

– Но этот же вопрос могу задать тебе и я.

Александр несколько раз мотнул головой, протёр руками глаза, но живописный всероссийский самодержец, великий князь финляндский, царь польский и прочая, прочая, прочая никуда не исчез, а, напротив, эдаким гусаком прохаживался по комнате и, манерно жестикулируя, рассуждал:

– Я, как, впрочем, и ты, не очень доволен своим правлением. Но постоянно заниматься самодержеством не нужно. Сделано много, причём масштаб сих дел смогут оценить лишь наши потомки... Помнишь, когда я вступил на престол?..

– Не ты, а мы... – возразил страдающий бессонницей император.

– Господин Александр, тебе кажется, что нас двое?

– Мне не кажется... я вижу это собственными глазами...

– А я вижу, что здесь только один император – это я! – творение гениального Доу прошлось в своём генеральском костюме вдоль освещённой луной стены, как по подиуму. – Тебе должно быть известно, что у нас на Руси встречают по одежке, а провожают по уму. А у меня и одежка соответствующая, и ума – палата... Так вот, вступив на престол, я отменил наиболее одиозные указы моего родителя, запрещавшие ввоз в Россию иностранных газет, книг и даже нот, вновь открыл запрещённые ранее частные типографии, объявил свободу торговли, освободил дворян от телесных наказаний, возвратил из ссылки многих военных и чиновников... А сколь прогрессивным оказался мой указ о так называемых вольных хлебопашцах?.. Крестьяне за определённый выкуп обрели свободу...

Но Александр бесцеремонно перебил витию, столь нагло присвоившего все его главные монаршьи достижения:

– Каков фанфарон! Ты, наверное, забыл, что я учредил четыре университета и педагогический институт, вместо существовавших коллегий создал министерства и новый орган власти – Государственный совет... А потом были война и победоносный поход нашей армии в Европу, который принёс её народам мир и спокойствие. Я искренне желал сие, дабы предотвратить распространение революционной заразы из просвещённой Европы в Россию. У нас, словно язвы от лихорадки, стали появляться тайные общества, масонские ложи, секты, всевозможные литературные и музыкальные салоны, в которых находили прибежище безответственные очернители Отечества и православия... Я прекрасно осознавал, что тормозит развитие нашей огромной империи. Сама жизнь требовала ограничения моей власти, ликвидации крепостного права, реформирования неповоротливой бюрократической системы, состоящей из сутяжников и воров... Мы крепко стали отставать от ряда европейских держав не только в научно-техническом, но и в военном плане, что создавало немалую угрозу державе... Ко всем этим преобразованиям невозможно было приступить, не наведя порядок в самой Европе, освобождённой от французского диктатора. И я, как правитель страны-победительницы, был вынужден переключиться с внутренних проблем на внешние. Страшно подумать, во что превратилась бы перекроенная после войны с Наполеоном Европа, если бы Россия не приняла участие в обсуждении её послевоенного устройства... Встречи в Вене, потом в Ахене... И наконец, претворение моей заветной мечты – создание Священного союза!..

– А ты, я смотрю, ещё и наглец, – грозно сверкнул глазами портретный Александр, хватаясь за эфес сабли, висящей на его левом боку. – Священный союз – это моё дитя. Моё! И я безмерно этим горжусь!

Белая перчатка, которую он нервно стянул с правой руки, упала на пол. Александр устремил на неё взгляд, весьма схожий со взглядом сумасшедшего:

– Ты бросаешь мне вызов?! Я его принимаю! – больно уцепив себя за руку, он кинулся к стене и с размаха боднул её лбом – из глаз посыпались искры, а в голове зазвенело, словно она превратилась в колокольный купол. Реально ощутив боль, понял, что не спит, и всё, что с ним происходит, происходит не во сне, а наяву. – Где моя шпага? Та, что подарил Бонапарт...

– Хочешь драться с самим собой?

– Я хочу нанизать на клинок моё беспардонное изображение, нагло присвоившее мою внешность, мои мысли, всю мою жизнь...

– И сразу станешь самоубийцей... А их не отпевают, не хоронят на кладбищах и не ставят крест... Всё, я умолкаю и с подобающим к твоей персоне вниманием слушаю, хотя наперёд знаю все твои мысли и аргументы...

Александр немного успокоился, и это читалось по его чуть одутловатому лицу. Он медленно обвёл глазами спальню, словно попал в неё только что, и, подойдя к своему топчану, присел на его край. Стал искать носовой платок и, не найдя, обтёр лоб и щёки широким рукавом ночной рубахи:

– Ты прав. Я и ты – одно и то же лицо. Отличие только в том, что мне уже полных сорок семь лет, а тебе, с того момента, когда Джордж положил на холст последний мазок, – всего шесть.

– Возрастные различия в данном случае никакой роли не играют...

– Идея создать Священный союз пришла мне после бесед с баронессой Юлией де Крюденер. Сия особа спасла меня от меланхолии, словно добрая фея рассеяла тревожные мысли, которые давно терзали мою душу. Она убедила меня, что я самим провидением призван установить мир в Европе... Столь долгожданный и насущный... До сих пор помню её слова: «Ваше Величество, как может воцариться в Европе мир, если его нет в Вашей душе. Впрочем, как нет его и в душах других правителей больших и малых держав...» Мудрость моей собеседницы сразила меня наповал... Я стал искать то, что может объединить наши государства, а не то, что их разъединяет, вселяя недоверие и ненависть. И это объединяющее начало нашёл в вере, нашей общей вере в Христа... Вскоре я собственноручно набросал текст международного договора между тремя великими державами – Россией, Пруссией и Австрией. Подписавшие этот документ страны принимали на себя обязательства «руководствоваться заповедями любви, правды и мира», а также Священным Писанием, повелевающим всем людям быть братьями... Три союзных государя обещали управлять подданными «в духе неразрывного братства для воцарения веры, мира и правды...». Никогда ранее европейская дипломатия не знала подобного договора, объединившего христиан трёх конфессий: католической, православной и протестантской...

– Но ты же, на тот момент самый влиятельный из европейских монархов, матёрый политик и дипломат, почётный доктор права Оксфордского университета, понимал, что твоя утопическая идея рано или поздно потерпит крах. В большой политике трудно встретить порядочных людей, по большей части это политические шулеры и разбойники. Сегодня, если им выгодно, они могут подмахнуть любой документ, а завтра без зазрения совести нарушат все данные ранее обязательства. Это истинная суть наших западных партнёров. Но других-то нет!

– Безусловно, ты прав, но Священный союз давал пусть призрачную, но всё же надежду на то, что в Европе после недавнего перекроя границ наконец-то установится столь долгожданный мир. А он нам ой как был нужен, чтобы восстановить порушенное, укрепить армию и флот, духовно и нравственно развить нацию... Я мечтал превратить всё человечество в христианское братство – не случилось!

– Ещё не успели высохнуть чернила на твоём миротворческом документе, как Австрия, Британия и Франция за твоей спиной заключили тайный оборонительный союз против России и Пруссии – как всегда, двойная игра!

– И всё же 26 сентября 1816-го Россия, Австрия и Пруссия подписали договор о создании Священного союза, куда в течение трёх лет вошли ещё 50 христианских государств Европы. Англия, впрочем, как и Турция, вежливо уклонилась. Представитель Ватикана отказался подписывать, так как в документе отсутствовало чёткое разграничение указанных вероисповеданий... Я не раз призывал государей к сокращению вооружённых сил, поднимал вопрос о неприкосновенности территорий... Однако это был глас вопиющего в пустыне... Невзирая ни на какие договорённости, они продолжали объявлять друг другу всё новые и новые притязания, бряцать оружием, мстить чудовищными санкциями и экономическими осадами. В ход шли грязные компроматы, разоблачения, интриги и козни... Это сборище коронованных особ и их прислужников, профессиональных интриганов, провокаторов и лжецов всегда напоминало мне шабаш тёмных сил, которые по одиночке ненавидели друг друга, а сообща – Россию.

Послышались шаги, и в царскую спальню вошёл дежурный камердинер, державший в руке подсвечник с зажжённой свечой.

– Всё в порядке, Ваше Величество? – спросил он, окидывая цепким взглядом комнату и останавливая его на картине, на которой в полный рост был изображён Александр Первый. Но сотканный из тысяч тонких красочных мазков император с невозмутимым видом взирал с холста, излучая загадочную, как у Моны Лизы, улыбку.

– Иди, иди, всё в порядке... Сон дурной привиделся...

ГЛАВА 10

ВОЯЖ К БРЕГАМ ТАВРИДЫ

Сидя вполоборота за небольшим овальным столиком с резными, изящно выгнутыми ножками, Александр писал письмо матушке своей императрице Марии Фёдоровне. То и дело он обмакивал остро заточенное гусиное перо в серебряную чернильницу и торопливо запечатлевал на бумаге свои мысли и впечатления о таганрогской жизни. Почерк у государя был каллиграфический и ложился аккуратными ровными строчками, украшенными изящными вензелями. На улице внезапно сделалось темно, по жестяным крыше и подоконнику забарабанил скучный осенний дождь, а налетевшие порывы ветра стали срывать с полунагих деревьев оставшуюся листву, кружа её в диком танце.

Предусмотрительный камердинер внёс канделябр с тремя свечами и поставил его на столик – стало заметно светлее, и императору не нужно было щуриться и напрягать зрение. Александр сообщал матушке, что здешний более мягкий, чем в Петербурге, климат благотворно влияет на здоровье супруги. Кроме того, самочувствие и её, и его самого улучшилось из-за того, что едят они в основном пищу, приготовленную из местных морепродуктов и овощей, а на десерт употребляют много фруктов. Образ жизни здесь, в глубокой провинции, спокойный, если не сказать полусонный, что способствует сохранению физических и душевных сил, а также умиротворению, совершенно невозможному в постоянной круговерти столичных интриг и забот.

Вскоре ливень прекратился, и в окно вновь заглянуло солнце, превращая сползающие по стеклу капли в сверкающие бриллианты. Однако занятый эпистолярным процессом Александр этого даже не заметил, как не заметил и того, что в комнату неслышно вошёл камердинер.

– Не прикажете ли, Ваше Величество, принять свечи?

– Они мне не мешают.

– В народе говорят: примета плохая, коль они днём в доме горят...

– Ну коли так, – государь дунул на свечи, одним махом погасив все три.

Письмо своё матушке Александру дописать так и не удалось, потому что неожиданно нагрянул граф Воронцов, два года назад назначенный им генерал-губернатором Новороссии и полномочным наместником Бессарабии. У Михаила Васильевича было приятное, чуть вытянутое лицо с глазами, излучающими одновременно и мудрость, и иронию, а в статной фигуре чувствовалась многолетняя военная выправка. Графу было уже за сорок, но он по-прежнему оставался необычайно деятельным, душой болеющим за любое порученное дело, в которое всегда вкладывал всего себя без остатка. Александр мысленно отметил, что ему всегда было приятно общаться с этим образованным, храбрым и преданным отечеству человеком. Свою преданность не на словах, а на деле он не раз доказывал в сражениях на Кавказе, в Персии и Пруссии. Ему довелось участвовать в баталиях с турками и, конечно же, в Бородинском сражении, где он командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией, воины которой демонстрировали примеры мужества и героизма, защищая Семёновские флеши.

А затем Воронцов без малого три года был командиром русского оккупационного корпуса во Франции. Накануне его вывода из страны он собрал сведения о долгах всех офицеров и солдат местным жителям и оплатил их, причём из собственных средств. Александру тогда доложили об этом гуманном поступке Воронцова, ведь, чтобы погасить почти полуторамиллионный долг, графу пришлось продать имение, полученное от своей тётки – княгини Екатерины Дашковой. «Такие, как Воронцов, – яркий образец не только геройства, но и благородства русского офицерства», – император вспомнил слова, которые сам же и произнёс тогда вслух, мысленно добавив, что всегда доверял и продолжает доверять этому человеку как самому себе.

Генерал-губернатор не без гордости доложил государю о хозяйственных успехах Новороссии и наиболее кричащих проблемах. Большая часть её многонационального населения занималась животноводством, в частности разведением лошадей и овец. Однако шерсть тонкорунных овец, как известно, ценилась значительно дороже обычной. Поэтому на собственные средства граф выписал из Испании и Саксонии овец соответствующей породы, и вскоре их нежная шерсть стала теснить в российском экспорте более грубую, одновременно принося значительные доходы.

После завоза в Крым виноградной лозы и фруктовых деревьев наиболее урожайных сортов стало более интенсивно развиваться виноградарство, садоводство и виноделие. Воронцов рассказал, что хочет начать выращивать в Крыму чай, а также табак и уже завёз туда несколько разных сортов для выявления, какой из них лучше других приживётся и даст больший урожай.

– Планирую, государь, отправлять в Европу семя льна. Выгода невероятная – ведь четверть льняного семени на два рубля серебром дороже четверти пшеницы... Новороссия – край благословенный, грех жаловаться, но все мои благие начинания рушатся подчас из-за бездорожья. Сама жизнь диктует нам строить дороги, которые сразу же оживят и хозяйственную деятельность, и торговлю, да и для военных нужд стратегически необходимы. Почтовые и просёлочные дороги повсеместно проложены, но требуют твёрдого покрытия... Да что мы, в конце концов, хуже той Европы!..

Затем неутомимый Михаил Семёнович принялся уговаривать императора своими глазами увидеть, какие преобразования на подопечных ему обширных территориях уже свершились, а какие запланированы на ближайшую перспективу.

– Я уже и маршрут наметил... Только пренебреженно Елизавету Алексеевну берите... Пусть тоже в Ореанде побывает... Надеюсь, государь, проект в работе. Предстоящей весной пора там стройку начинать.

– Пора, пора... На всё воля Божья... – задумчиво проговорил император и вдруг, глядя прямо в глаза Воронцова, спросил: – Отобедаете с нами, граф? Вы же наш дорогой гость.

– Ошибаетесь, государь, это вы и ваша супруга у меня в гостях. Таганрог ведь тоже находится под моим неусыпным генерал-губернаторским оком... Поэтому прошу меня простить, но перед нашей аудиенцией я отдал распоряжение об обеде с весьма интригующим меню...

После настойчивого приглашения графа Воронцова посетить Крым император после взвешивания всех за и против всё же решил туда отправиться. Не сработала даже настоятельная просьба старца Серафима не ездить туда... Ему действительно совсем не хотелось уезжать из тихого и такого уютного Таганрога, где он вдали от столичной суеты начал жить так, как ему уже давно хотелось, – сам по себе. Однако неуёмная жажда путешествий хоть с возрастом и приугасла, но всё ещё бередила душу. Не случайно люди из его окружения не без иронии называли Александра царём-путешественником. За почти четверть века своего правления он не только вдоль и поперёк исколесил всю европейскую часть Российской империи, но и побывал в большинстве стран Западной Европы. Государь давно уже привык к дорожным мытарствам и практически полному отсутствию обычного для его высокого статуса комфорта. Мог поехать в любом придорожном трактире, уснуть прямо в подпрыгивающей на ухабах коляске или на топчане с соломенным тюфяком почтовой станции, пока там меняли уставших лошадей на свежих и более ретивых. Подобная неприхотливость – результат его спартанского воспитания в детстве – позволяла ему и сопровождавшей свите преодолевать до ста, а то и более вёрст в сутки. Усталость его, безусловно, одолевала, но она не могла заслонить большое радостное чувство от того, что рекордное расстояние было преодолено, а значит, время, силы и средства потрачены не впустую.

Александр настойчиво уговаривал императрицу составить ему компанию в предстоящем вояже, но она, ссылаясь на проблемы со здоровьем, ехать в столь долгое путешествие опасалась. А ведь он так хотел показать ей имение на берегу Чёрного моря, которое несколько лет тому назад приобрёл в Ореанде – удивительно солнечном и малолюдном уголке Крымского полуострова. Давно мечтая об уединении, он остановился именно на этом имении, принадлежавшем графу Кушелеву-Безбородько. Документы на купленную землю государь собирался подарить жене, пообещав, что сделает это после того, как построит здесь дворец с видом на морские просторы, где они и поселятся, отойдя от государственных дел...

Несколькими днями ранее императрица чувствовала себя хорошо, и он вместе с ней побывал в Азове – городе-крепости, расположенном в живописном устье Дона. Бабушка рассказывала, что Пётр Великий считал Тагань Рог наилучшим местом для первой российской военно-морской базы.

Именно здесь он и решил строить гавань, а для её защиты с берега – крепость, названную Троицкой. Она была земляной не только из-за отсутствия в окрестностях залежей дикого камня и поспешности строительства. Просто земляные укрепления хорошо выдерживали артиллерийский огонь, который их незначительно повреждал, но не разбивал. К тому же на азовских валах и бастионах стояли 238 пушек, а ещё более 100 – на молах и в форте...

Елизавета Алексеевна была в восторге от этой поездки, особенно от прогулки на катере по реке с высадкой на небольшой остров, где царскую чету угостили ароматной ухой из только что пойманной рыбы. Получается, отказ императрицы от многодневного путешествия по Тавриде не был каким-то демаршем или женской уловкой. В отдельные дни она действительно чувствовала себя скверно, её покидали жизненные силы, не прекращался кашель, иногда с кровью, повышалась температура...

«А вдруг в пути ей станет ещё хуже, что тогда? Сорвать мою деловую поездку и одновременно похоронить надежды Воронцова воплотить свои замечательные проекты она не хочет? Ведь Михаил Семёнович так надеется уговорить меня профинансировать хотя бы строительство дорог из государственной казны», – размышлял император.

В конце концов, Александр согласился с аргументами супруги, сократив своё пребывание на полуострове вдвое за счёт уплотнения графика визита и предельно интенсивной скорости передвижения. Помимо чисто хозяйственных и военных проблем нужно было также разобраться и с другими. Они касались финансирования археологических раскопок, реставрации и сохранения памятников старины, создания музеев... И на всё это опять же требовались немалые финансовые средства...

– Надеюсь, Элиз, я управлюсь там за две недели, – пообещал он супруге. – Тем более что генерал-губернатор предоставит мне подробнейший отчёт о том, что он там уже успел сделать... Ну а в Орланду отправимся вместе... в апреле или мае...

– Не сердись, Алекс... Ты же знаешь, если бы болезнь не обострилась, я обязательно бы с тобой поехала... хоть на край земли. Однако ни мне, ни врачам не известно, как мой организм отреагирует на долгую тряску, неправильное питание и резкую смену климатических условий, – убеждала она огорчённого мужа.

Александр успокоил императрицу, сказав, что принятое ею решение правильное и он его уважает и одобряет.

20 октября, едва начало светать, Александр, предварительно помолвившись, выехал в Крым. Утро выдалось по-осеннему пасмурным и промозгло-холодным, даже облепившие деревья длинноклювые вороны сидели, втянув шеи и хмуро нахохлившись. Это заставило не только императора, но и всех сопровождавших его людей начать кутаться в дорожные пледы или обматывать шеи шерстяными шарфами.

Как только грохочущая кавалькада колясок выехала за пределы городской застройки, её кучера, покрякивая на лошадей, заставили их перейти на аллюр и бежать быстрее. Тут же из-под копыт стали подниматься вверх коричневатые клубы пыли, напоминающие плотную дымовую завесу. Спасения от неё не было, пыль назойливо лезла в глаза, в нос и рот, оседала на одежде и противно поскрипывала на зубах. «Стократ прав граф Воронцов: нам крайне нужны дороги с твёрдым покрытием, – с грустью размышлял Александр. – Сейчас, глотая пыль, хоть ехать можно, а когда дожди зачистят, то до первых морозов будет царствовать непролазная грязь... А с другой стороны, будь у нас мощёные дороги, то вражеские армии продвигались бы по ним легко и стремительно. Выходит, слава бездорожью! Виват непролазной грязи!..»

Александр прикрыл лицо батистовым платком с собственным инициалом в уголке и погрузился в размышления. Он любил в период длительных переездов уходить в себя, анализируя уже прошедшие события или мечтая о чём-то светлом, добром или таинственно-мистическом:

«Каким должен быть правитель Российской империи? Сей вопрос мучил меня как в годы юношества, так и в период последующего взросления. Мне казалось, а точнее я был уверен, что по складу своего характера, врождённым лености, нерешительности и природному легкомыслию совершенно не гоюсь на роль монарха столь огромной державы, чьи земли простираются от фьордов цивилизованной Балтики до диких тихоокеанских берегов. Одно дело управлять компактными Швейцарией, Голландией, Данией, даже Пруссией, а совсем другое – Россией, территория которой по совокупной площади в десятки, а то и в сотни раз превосходит территорию любой из европейских стран.

Многие российские царственные особы имели весьма смутные представления о размерах управляемой ими державы. Притчей во языцех стала дочь Петра Великого – Елизавета, которая послала

на Камчатку штабс-курьера, дабы тот к её коронации доставил оттуда шесть пригожих благородных девиц. Они были привезены, но... на четыре года позже прошедшего в Москве торжества – ведь расстояние туда и обратно тысячи и тысячи вёрст! Мало того, половина из тех девиц прибыла ещё и с родившимися за время долгого пути детьми... Вот такой курьёз!..

Но почему-то провидению было угодно именно меня сделать наследником русского престола, возложив на мои плечи ответственность за гигантскую империю, за её место в мировой истории. Править сонмом разноплеменного народа – непосильная ноша и огромная ответственность. Следовательно, о свободе, которую я обожаю с младых ногтей, мне пришлось забыть. Служение Отечеству и свобода – увы, понятия несовместимые! Мне пришлось отбросить свою наивную юношескую мечту о том, чтобы даровать России конституцию, после чего полностью сложить с себя власть, удалившись в какой-нибудь благословенный уголок, и жить там спокойно и счастливо столько, сколько отпустит мне Всевышний...»

Вдруг Александру припомнилось, как учитель математики со странной фамилией Массон пытался ему, десятилетнему, растолковать, что площадь азиатского материка более чем вчетверо превосходит площадь Европы. А уж какие богатства таят в себе недра самого огромного материка Земли, суждено будет узнать только последующим поколениям – нашим внукам и правнукам. Однако, несмотря на этот очевидный факт, европейцы всегда относились к жителям Азии пренебрежительно, считая их отсталыми дикарями, а себя – центром цивилизованного мира. Миллионы этих варваров должны были беспрекословно выполнять волю покоривших их огнём, мечом и обманом европейцев. Вековая колонизация чужих стран и народов и их беззастенчивый грабёж приносили реальные прибыли, оживляя тем самым экономику дешёвым сырьём и практически бесплатной рабочей силой. Англосаксонцы, испанцы, датчане, французы так жили всегда, удивляясь россиянам, нещадно эксплуатирующим лишь свой собственный, а не чужие народы.

Александр вспомнил, как бабушка пригласила для его воспитания гувернёра из Швейцарии. Это был Фредерик Сезар Лагарп, политический деятель, философ и адвокат, с которым у него сразу же установились доверительные отношения, несмотря на разные возраст, вероисповедание и социальный статус. До сих пор, как Отче наш, он помнил мудрые наставления швейцарца, которые, безусловно, не раз ему, российскому императору, пригождались и помогали принять верное решение. Вот эти непреложные истины – одна бесценнее другой: царь обязан трудиться много и плодотворно; дабы многое успеть, вставать нужно очень рано; беспорядок и небрежение в делах неприемлемы; не позволяй себя обманывать; не поддавайся отращению к власти; для всех своих подданных царь должен быть образцом любящего мужа и семьянина...

Лагарп всегда был искренен и честен. Он предостерегал от того, что ты, представитель царской фамилии, помазанник Божий, можешь не сдержать данное ранее обещание, участвовать в дворцовых интригах или, не дай бог, заговорах... Ни в коей мере нельзя было делить приближённых на любимчиков и опальных. Нельзя было верить льстецам, подхалимам, сплетникам и особенно не поддаваться женским чарам... Последнее предостережение было, пожалуй, самым тяжким. Выполнять его, особенно после флиртов с очаровательными фрейлинами или регулярных ночных свиданий с весьма пикантными сюжетами, было чрезвычайно затруднительно. Но подобные самозапреты помогали укрощать откровенно животные инстинкты, тренировать волю, сохранять самообладание, что в отдельные моменты крайне необходимо.

Это только люди малосведущие думают, что самодержцу дозволено абсолютно всё. Но тогда он очень скоро превращается в самодура, которого ненавидит собственный народ. Но если твоя человеческая суть не приемлет деспотию и лютость, тогда ты должен очень строго ограничить свои желания и действия. Для всех, будь то люди дворянского, духовного, купеческого, мещанского или крестьянского сословия, ты государь-батюшка, пример для подражания и восхищения. Вот тебе и неограниченная власть! Чушь полнейшая! Она ограничена, да ещё как, и вековыми устоями общества, и законами предыдущих монархов, и международными обязательствами, и православной верой, и нравственностью твоей бессмертной души...

Александр вернулся в реальность и каким-то пространным взглядом смотрел на проплывающие по обе стороны экипажа унылые пейзажи, которые изредка оживляли облепленные огненно-красными гроздьями кусты калины либо торчащие высоко над пожухлой травой грустно-жёлтые соцветия пижмы. Он вдруг вспомнил свою первую поездку в Крым. Она состоялась, дай бог памяти, семь лет назад, подарив ему массу позитивных впечатлений и неожиданных встреч. Особенно запомнилось

посещение пещерного города Чуфут-Кале в окрестностях Бахчисарая. Это место, окутанное вековыми легендами и мистическими тайнами, притягивало к себе с какой-то магической силой. В прошлом году он снова оказался в этом месте и присутствовал в караимской кенасе на богослужении, где впервые в жизни наблюдал за столь необычным молитвенным ритуалом.

Когда возникло это поселение и какой народ его основал, история умалчивает. Известно только, что позднее в эти места переселились татары и караимы, принадлежащие к тюрко-хазарскому племени, принявшему иудейскую веру. Местные жители воспринимали караимов евреями, поэтому надёжно защищённое крепостными стенами поселение называли Чуфут-Кале, что переводится как «Иудейская крепость». Здесь насчитывалось 170 пещер, но люди в них не жили. Они строили себе дома из камня и дерева, а пещеры использовали в качестве хозяйственных построек и складов. Священным деревом караимы считали дуб. Его рубка приравнивалась к совершению святотатства. Поэтому много дубов росло на местном кладбище и в расположенной неподалёку от пещерного города тенистой роще – месте духовной силы.

По приглашению местного богача Биньямина бен Самуила Ага Александр побывал в его доме. Хозяин познакомил императора со своим гаремом, который состоял из десяти женщин разного возраста яркой восточной внешности. У государя появилось ощущение, что он из реальности вдруг попал в какую-то волшебную сказку. Гаремные красавицы, увидев рядом со своим господином постороннего мужчину, стали стыдливо закрывать свои лица ладонями или закутывать платками с узорами из золотистых нитей. Хозяин дома улыбнулся и что-то сказал жёнам на своём родном языке, видимо, сообщил, кто пожаловал к ним в гости. Женщины сразу успокоились и с нескрываемым любопытством стали наблюдать за высоким, бравым на вид мужчиной в генеральской форме. Некоторые из них, преодолев робость, даже ему улыбнулись.

«Я тогда даже растерялся и почему-то на французском произнёс: «Сообщите дамам, что я в восторге от знакомства с ними». Потом поинтересовался у Биньямина, как он справляется с таким количеством женщин, на что состоятельный караим ответил:

– С большим трудом. Но такая традиция у нашего народа существует с древнейших времён. Многожёнство необходимо, чтобы не закончился наш род, ведь почти половина молодых мужчин постоянно гибнет, добывая хлеб свой насущный и в схватках с врагом...

Этот ответ мне понравился, и я, сняв со своего безымянного пальца перстень с бриллиантом, подарил его главе большого караимского семейства... Затем хозяин повёл меня в другую комнату, сплошь застланную коврами с мягкими подушками для сидения, где был накрыт длинный стол на низеньких ножках, уставленный разного вида сырами, восточными сладостями, фруктами, пчелиными сотами, из которых сочился в блюда янтарный мёд... И всё, что я здесь увидел, всё, что попробовал, – это тоже была Россия! Страна, которую Всевышний доверил мне в управление вместе с её народами, необъятными просторами и богатыми недрами. Родина, которую я ношу в душе своей одновременно и как высшую награду, и как тяжкое бремя... Такой вот непостижимый для здравого ума дуализм!..»

Александр достал из кожаной папки, которую украшало тиснение двуглавого орла, бумагу с планом своей нынешней поездки и пробежал его беглым взглядом. В небольшом списке крымских поселений значились: Симферополь, Алупка, Ливадия, Ялта, Балаклава, Севастополь, Бахчисарай и Евпатория. И на всё про всё – две недели...

«Коль буду в Бахчисарае, непременно загляну в Чуфут-Кале, а после Балаклавы – в Георгиевский монастырь... к греку-настоятелю Агафангелу... Он мудр и прозорлив невероятно... А ещё нужно обязательно отыскать следы мадам де Крюденер, которая, как мне сообщили, не так давно поселилась в Крыму... В своё время я обошёлся с ней некорректно, если не сказать грубо. А ведь именно она укрепила во мне веру в то, что я избранник судьбы, именно она установила мою духовную связь с всеильным Господом, именно она убедила меня объединить страны Европы в некое христианское братство», – размышлял о приоритетах нынешнего вояжа император.

Окончание в следующем номере

